

УДК 821.133.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-4

Н.Т. ПАХСАРЬЯН,

доктор филологических наук, профессор

кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация)

О. де БАЛЬЗАК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

В статье сделана попытка на основе зачастую разрозненных суждений, содержащихся в письмах, предисловиях, статьях Оноре де Бальзака о литературном творчестве, жанре романа, о соотношении литературы и журналистики, об отдельных произведениях и писателях, составить общую картину эволюции художественно-эстетических принципов французского писателя XIX ст., выявить специфику и функцию бальзаковской литературной рефлексии, раскрыть стремление Бальзака к созданию индивидуальной и целостной системы взглядов и уточнить результаты этого стремления.

Ключевые слова: литературная критика, предисловие, журналистика, творчество, роман-ный цикл, функция писателя, художественная система.

У статті зроблено спробу на основі часто розрізнених міркувань, що містяться у листах, передмовах, статтях Оноре де Бальзака про літературну творчість, жанр роману, про співвідношення літератури та журналістики, про окремі твори та письменників, скласти загальну картину еволюції художньо-естетичних принципів французького письменника XIX ст., з'ясувати специфіку та функції бальзаківської літературної рефлексії, розкрити прагнення Бальзака до створення індивідуальної та цілісної системи поглядів та уточнити результати цього прагнення.

Ключові слова: літературна критика, передмова, журналістика, творчість, романний цикл, функція письменника, художня система.

Начав творчество в 1820-е гг., Бальзак первое время публикует свои сочинения под псевдонимами, и впоследствии отказывается считать их своими, признает лишь те произведения, которые подписаны его собственным именем. До поры до времени писатель не выступал с определенной творческой программой или с критикой поэтологических принципов своих предшественников и современников. Правда, его ироническая заметка 1824 г. в «Фельетон литерэр» «О привычке к предисловиям» содержала насмешку над постоянным стремлением «писателей сочинять предисловия», а читателей – «не читать предисловия, считать их пустыми и неуместными» (цит. по: [3, с. 146]), но в ней выразилось, прежде всего, нежелание писателя включаться в привычное русло жанровой рефлексии. Он не принимает активного участия в битве между классиками и романтиками, в которую вовлечены в этот период Ш. Нодье, Стендаль и В. Гюго. Впрочем, один из современных исследователей утверждает, что анонимная заметка «Рассуждения о романтической литературе», появившаяся во «Французских анналах искусства, науки и литературы» в 1822 г., была написана Бальзаком, решившим обратить внимание читателей на свои романы «Клотильда Лузиньянская» и «Арденнский викарий», опубликованные под псевдонимом Орас де Сент-Обен [6, с. 231]. Данный в заметке краткий обзор литературы от античности до современности не содержал в себе ничего оригинального, а определение романтизма – «система литературы, в которой преувеличено изображение природы и человека и в которой стремятся порождать сильные эмоции» [6, с. 239] – больше соотносился с поэтикой «romantisme frénétique», чем с опытом первых французских роман-

тиков – Шатобриана, Сталь или Констана и с собственной художественной практикой более зрелой поры.

Тем не менее, ранний опыт «неистового романтизма» оказывается важен для созревания литературно-критической концепции писателя. Так, в нескольких заметках для журнала «Силуэт» (февраль – апрель 1830) он в духе романтического «мессианизма» ставит художника выше царственных особ: «Короли правят народами в течение определенного времени; художник правит целыми веками» [5, с. 708]. При этом сам художник – противоречивая фигура, соединяющая могучую творческую силу и «ничтожество существования». Творческие силы непостоянны, художник зависит от вдохновения, «в глазах толпы он – лентяй», «он легко отдает свое тело на волю житейских случайностей» и т. п. В романтическом ключе истолковывается конфликт художника и «толпы», общества, власти: «Все отталкивают человека, который в своем стремительном прохождении посреди мира сминая людей, предметы, идеи» [Ibid.]. Но уже в этих ранних рассуждениях о художнике проявляет себя специфически бальзаковский аспект: писатель ставит проблему материального благополучия творческой личности, хотя решает ее вполне по-романтически (гений – носитель духовных сокровищ, он не обладает «почтенной жаждой богатства, одушевляющей все мысли любого торговца», «если он гонится за деньгами, то тут же тратит их»).

К 1830-м гг., когда Бальзак, с одной стороны, получает признание как автор романа «Шуаны» (1829), «Сцен частной жизни» (1829–1830), а с другой – обращается к журналистике, становится главным редактором еженедельника «Карикатура», он уже довольно ясно осознает не только общие задачи литературного творчества («жить жизнью века» – в письме 3. Карро, 1 июня 1832), но и необходимость ставить вопрос о заработках писателей. В начале ноября 1834 г. в «Ревю де Пари» он опубликовал «Письмо французским писателям XIX века» [1, с. 50–69], в котором заговорил о «республике литературы», более того, объединил поэтов, музыкантов, драматургов – тех, «кто живет мыслью, кто работает во славу страны, ...кто создает дух века», кто «принес стране сокровища, которые она не имела бы», и при этом призвал их защищать авторские права, бороться с разорительными нарушениями со стороны издателей. Именно бальзаковская идея защиты авторских прав объединенными усилиями «республики литературы» стимулировала создание в 1838 г. «Общества литераторов», куда вошли, кроме него, В. Гюго, Ф. Сулье, Ж. Санд и др. (см. подробно: [8; 9]).

Литературно-критическое наследие Бальзака включает в себя три основных темы: рефлексию о творчестве романиста и жанре романа; портреты отдельных писателей и анализ их творчества; рассуждения о взаимоотношении литературного творчества и журналистики.

Главной формой, в которой Бальзак излагал свои идеи о сочинительстве и романе, были предисловия, которыми он сопровождал практически каждое сочинение после 1830 г. (напр., первой издание «Сцен частной жизни», 1830 г., первое издание «Евгений Гранде», 1831 г. и др.) Письма Бальзака, за редким исключением, не содержат суждений о литературе, что вызывало удивление Г. Флобера, избравшего именно переписку средством высказывания эстетических идей. Важным в этом смысле является лишь письмо к Эвелине Ганской от 36 октября 1834 г., в котором излагается четкий, продуманный план «трехъярусного» цикла романов, где уже намечено и необходимое количество произведений каждого яруса («Этюды нравов» – 24 тома, «Философские этюды» – 15 томов, «Аналитические этюды» – 5 томов). Замысел цикла отмечен стремлением создать сочинение универсального охвата всех социальных явлений, всех характеров, профессий, общественных слоев и т.д. Отчетливо высказано представление писателя о детерминированности этих «следствий» причинами, коренящимися в «чувствах и их игре, жизни и ее движении» и желание столь же исчерпывающе описать и эти причины («Философские этюды»), а затем и начала («Этюды нравов»).

Помимо изложенного в письме рассуждения о «Человеческой комедии», Бальзак написал первоначально предисловия к отдельным романам цикла: в 1837 – к «Утраченным иллюзиям», в 1839 – к «Провинциальной знаменитости в Париже», но заменил их в 1842 г., когда печатал свой цикл в издательстве Фюрна, общим предисловием. Однако с историей рефлексии Бальзака над романами «Человеческой комедии» связаны, кроме того, два текста, фактическое авторство которых принадлежит другому лицу – Феликсу Давену

(1807–1836), рано умершему второстепенному французскому литератору [2]. Родившись в провинции, в Сен-Кантене, Ф. Давен был провинциальной знаменитостью, его почитало прежде всего литературное общество его родного города. После удачной публикации романа «Вольфтурн, или Волчья башня» (1830), написанного совместно с его земляком Анри Мартеном, Давен приезжает в Париж, сотрудничает в газете «Фигаро», в «Меркюр де Франс», публикует другие романы, ныне прочно забытые, а через некоторое время возвращается на родину, основывает собственный литературный журнал, но преждевременная смерть расстраивает его проекты. В истории большой литературы Ф. Давен остается как автор двух предисловий к произведениям Бальзака – это предисловие к «Философским этюдам», и предисловие к «Сценам частной жизни» – т.е. к одной из серий «Этюд о нравах». Обе статьи были написаны в одном и том же 1834 г. и опубликованы в следующем, 1835, причем в порядке, обратном их сочинению: первое из предисловий – к «Сценам частной жизни» из-за типографских задержек вышло из печати позднее.

В предисловиях Ф. Давена подчеркивается особая роль рефлексии писателя над общими эстетическими проблемами: «Публика и газеты, занятые политическими изменениями, [...] придаю лишь второстепенное значение вопросам искусства и не ведают секретов этого медленного, но непрерывного созидания» [7, с. 1154]. Кроме того, он выделяет существенную роль «правды» в художественной системе Бальзака: «Одной из отличительных черт г-на де Бальзака является то, что он первый сделал современный роман правдивым». Проясняя «глубинный смысл всего сочинения» (цикла «Человеческая комедия»), Давен передает логику построения Бальзаком каждого из ярусов, задачи «Этюд нравов», частью которых являются «Сцены частной жизни» («точное воспроизведение всех социальных последствий»), и «Философских этюдов», иными словами повторяя то, что содержалось в письме к Э. Ганской. Наследуя романтикам, писатель размышляет в предисловии к «Философским этюдам» о едином источнике духовной и материальной жизни – энергии. Его интересует фундаментальное различие между действиями, причинами и принципами и одновременно – «энергетическая связь» между ними. Он убежден в существовании интерференции материального и духовного, физического и морального, в воздействии мысли, идеи на материальное существование. Степень проникновения молодого литератора в глубину бальзаковского замысла, ощущение его целостности и системности, осведомленность в деталях, по существу, сродни авторской. Многие бальзаковеды считают поэтому, что Ф. Давен был только рупором идей создателя «Человеческой комедии», что он писал едва ли не под диктовку Бальзака, во всяком случае – при его непосредственном участии, иные – предполагают, что Бальзак и вовсе сочинял предисловие сам и лишь подписал его именем Давена. Во всяком случае, Бальзак очевидно берет на себя ответственность за высказанные в этих предисловиях идеи, развивая их в собственных рассуждениях.

Обращение к Ф. Давену как к медиатору и рупору своей эстетики – не единственный и не первый случай в биографии Бальзака. Еще в 1831 г. он выпустил том «Философских романов и повестей» с предисловием, написанным Ф. Шалем (1798–1873), но хотя Шаль был довольно известным историком литературы и эссеистом, он также в этом случае рассматривается специалистами как передатчик идей Бальзака. По-видимому, автору «Человеческой комедии» было важно таким способом утвердить «объективность» своих художественных принципов и одновременно – найти единомышленников в писательской среде.

В предисловии к первому изданию «Утраченных иллюзий» (1837) Бальзак подчеркивает необходимость ответить на «незаслуженные нападки критики» [1, с. 265–276]. Отстаивая право сочинителя пользоваться «преимуществом, признанным за наукой», т.е. постепенно продвигаться по пути исследований, иметь время для того, чтобы достроить «огромное сооружение» задуманного романного цикла, а не тратить время на отражение критических нападок, Бальзак разъясняет, почему ему понадобилось изобразить в романе не только Париж, но и провинцию. Ему важно было вести «речь не об изображении жизни индивидуальной, а о воспроизведении одного из наиболее любопытных явлений нашего века». В предисловии к «Провинциальной знаменитости в Париже» (1839) автор ставил себе в заслугу изображение нравов прессы, на что «ни один писатель не осмеливается», причем изображение в высшей степени правдивое («все в ней – приводящая в отчаяние правда»). Отсюда надежда автора романа на практическую пользу своего сочинения:

«Если эта книга помешает хотя бы одному юному поэту с прекрасной душой, живущему в провинциальной глуши, в лоне любящей семьи, отправиться в столицу... – значит, эта книга совершила доброе дело» [1, с. 316–321].

К этим предисловиям, поднимающим некоторые частные вопросы конкретных произведений, примыкают также предисловие к повести «Пьеретта» (1840), где Бальзак, помимо рассуждений об особенностях типа холостяка во Франции, вновь повторяет свою мысль о том, что критиковать писателя можно лишь после того, как он завершит произведение (значит, рассматривает свой романский цикл как единое художественное целое) [1, с. 322–330], и написанное позднее других предисловие к третьей части «Утраченных иллюзий» под названием «Давид Сешар» (1844), где подчеркнута, что, «рассматривая вопросы морали, следует брать часть, а не целое, отдельное лицо, а не группу лиц», а весь роман определен как «своего рода защитительная речь в пользу семьи» [1, с. 352–357]. В этом тексте Бальзак также выступает против критических нападок на писателей не только прессы, но и парламента, заявляя: «Сколько бы ни преследовали произведения, они возрождаются; писатель, благодаря множеству изданий вторгается своей мыслью в жизнь».

В «*Avant-propos*» – **общем предисловии к «Человеческой комедии» 1842 г., заменившем** прежние, отдельные заметки в издании Фюрна, писатель утверждает, что первоначально замысел цикла родился как «греза», однако греза эта носила вполне научный характер: «Идея этого произведения родилась из сравнения человечества с животным миром». Именно эта зоологическая параллель определила стремление Бальзака к изображению насколько можно более разнообразных ситуаций и персонажей, поскольку «Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире». При этом, поскольку «общественное состояние складывается из Природы и Общества», «описание социальных видов ...должно быть в два раза более обширным по сравнению с описанием животных видов». Возникает проблема рецепции такого описания читателями: «...как сделать интересной драму с тремя-четырьмя тысячами действующих лиц, которое являет любое Общество?». Для повышения интереса Бальзак считает необходимым изображать современность, и при этом делает предметом художественного повествования целостную историю современного общества – т. е. решается сделать то, чего, по его мнению, не сделал в свое время В. Скотт («этот недостаток..., впрочем, не умаляет значение Шотландца...»). Идея универсального «трехъярусного» романного цикла, о котором Бальзак писал Э. Ганской, присутствует и в этом предисловии: первоначально автор останавливает внимание на том, что функция писателя – «быть секретарем Общества», составлять «опись пороков и добродетелей», фиксировать «наиболее яркие случаи проявления страстей», «важные события из жизни Общества»; затем он говорит об «изучении основ этих явлений, улавливании скрытого смысла огромного скопища типов, страстей и событий», наконец, существенной чертой писателя он считает «полную преданность принципам, наличие определенного мнения» и выражение этого мнения в его сочинениях. При этом писатель оказывается сродни политику, общественному деятелю, он претендует на то, чтобы «написать историю, забытую столькими историками, – историю нравов», освещая ее светом «двух вечных истин: религии и монархии». Говоря, что «мысль – источник добра и зла – может быть воспитана, укрощена и направлена только религией», что «католичество и королевская власть – близнецы», Бальзак солидаризуется с идеями богослова XVII в. Ж.Б. Боссюэ, рассматривавшего абсолютизм как власть, обусловленную Провидением, а также философа и политика периода Реставрации Л.Т.А. Бональда, отстаивающего понимание государства как идеи, дарованной Богом, организма, живущего традицией и основанного на религии. Но, кроме того, Бальзак демонстрирует связь своих эстетических взглядов с политическими: не случайно он обращается в предисловии к анализу избирательной системы во Франции, рассуждает о социально-политических и этических проблемах современности. Отметая упреки критиков в безнравственности его сочинений (поскольку в них демонстрируются общественные пороки), Бальзак прибегает к довольно неожиданной, почти классицистической аргументации: «...наиболее добросовестные моралисты сильно сомневаются в том, что в Обществе можно найти столько же хороших, сколько дурных поступков; в картине же, которую я создаю, больше лиц добродетельных, чем достойных порицания». Тем самым, романист у Бальза-

ка имеет «аристотелевское» преимущество перед историком: «история не обязана, в отличие от романа, стремиться к высшему идеалу», а «роман должен быть лучшим миром».

Таким образом, функция бальзаковских предисловий – защитная (он стремится защитить свои произведения от неверной оценки критиков) и металитературная, они включают в себя пояснение поэтики конкретных романов, рассказывают об истории их создания, но, кроме того, содержат размышления о художественном творчестве в целом, и одновременно выражают индивидуальность писателя. Главное в художнике, по Бальзаку – это наблюдение и воображение, содержание романов – идеи и факты, но, в конце концов, идеи оказываются важнее фактов. Метод писателя отсылает к научной модели, во всех предисловиях подчеркнута параллель между социальной историей и зоологией. Классификацию романов, которые оказываются для Бальзака полем эксперимента, как и классификацию характеров персонажей писатель строит на дедуктивном принципе: сначала романист изучает и определяет общественные типы, а затем анализирует индивидов, составляющих каждый тип. Функция романиста, полагает автор «Человеческой комедии», – педагогическая и этическая: не веря «в бесконечное совершенствование человеческого Общества», он верит «в совершенствование самого человека» и стремится способствовать ему своим творчеством.

Среди писателей, о творчестве которых Бальзак писал в своих журнальных заметках, есть и классики – Мольер (1826), Лафонтен (1826), но их портреты созданы молодым Бальзаком. Зрелый критик более всего обращен к современному литературному процессу, к сочинениям Ж. Жанена, Э. Сю, Ж. Санд и др. Наиболее значительный литературный портрет, созданный Бальзаком, – его статья 1840 г. о Стендале – «Этюд о Бейле» [1, с. 162–217]. Помимо высокой оценки, которую Бальзак дает в этой статье литературным талантам XIX в., он выделяет три направления, или школы, в современной литературе: «литературу идей», к какой относит А. де Мюссе, Ш. Нодье, Стендаля, П. Мериме; «литературу образов», куда включает Шатобриана, Ламартина, В. Гюго и «литературу эклектическую», к которой причисляет, помимо В. Скотта, Ж. де Сталь, Ф. Купера и Ж. Санд, себя самого. Эта последняя школа «требует изображения мира таким, каков он есть».

Роман Стендаля «Пармская обитель» Бальзак называет «шедевром литературы идей», отмечая, одновременно, присутствие в произведении «уступок двум другим школам», что только увеличивает ценность романа. Цель автора «Этюда» – «попытаться воздать справедливость человеку огромного таланта, чей гений виден лишь глазам немногих избранных». Причину недооценки таланта Стендаля и достоинств «Пармской обители» Бальзак усматривает в пороках журнальной критики, противопоставляя ее непониманию или замалчиванию талантливых авторов и произведений подробный анализ основных действующих лиц и событий романа Стендаля.

Недовольство литературной критикой и в целом – качеством прессы (как и ее нравами), как известно, постоянно проявляется в предисловиях Бальзака и ярко запечатлено в романе «Утраченные иллюзии». Но этой проблеме посвящена, кроме того, «Монография о французской прессе» (1843), как озаглавливает свое сочинение Бальзак [4]. По существу, это не научное исследование, а сатирический памфлет, комическое описание журналистских «джунглей», построенных на метафоре прессы как машины и анализа частей ее «механизма». Одновременно это – исторический очерк о журналистской критике, в которой показаны как уходящие типы (университетский критик), так и появляющиеся, выходящие на первый план (критик-отрицатель, светский критик). Бальзак считает, что пресса приходит в упадок, становится инструментом релятивизации истины: «Для журналиста все, что вероятно, – то и истина». Особое внимание писатель обращает на пагубную роль денег в журналистике.

Постоянной и главной целью Бальзака в его литературной рефлексии было стремление создать целостную систему взглядов на литературу, ее задачи и место в обществе. Однако нельзя сказать, что цель эта была достигнута. Бальзаковские размышления не только оказываются рассыпаны по разным статьям, предисловиям, но и отмечены отчетливой индивидуальностью, стремлением определить не столько общие принципы творчества художника вообще, сколько найти собственный путь романиста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бальзак О. де. Собрание сочинений: в 24 т. / О. де Бальзак. – М.: Огонек; Правда, 1960. – Т. 24. – 376 с.
2. Пахсарьян Н.Т. История одного введения / Н.Т. Пахсарьян // Философские науки. – 2002. – № 3–4. – С. 124–125.
3. Balzac journaliste. Articles et chroniques choisies et présentés / par M.-E. Thérenty. – P.: GF Flammarion, 2014. – 400 p.
4. Balzac H. de. Monographie de la presse parisienne / H. de. Balzac // La Grande. Nouveau tableau de Paris. – T. II, janvier 1843. – P.: Bureau de publications nouvelles, 1843. – P. 129–208.
5. Balzac H. de. Oeuvres diverses: en 2 vol. / H. de. Balzac. – P.: Gallimard, 1990. – T. 1. – 1851 p.
6. Chollet R. Balzac critique littéraire en 1822 / R. Chollet // L'Année balzacienne. – 2012/1. – P.: PUF, 2012. – N. 13. – P. 231–242.
7. Davin F. Introduction aux Etudes de moeurs au XIX siècle (1835) / F. Davin // Balzac H. de. La Comédie humaine. – P.: Gallimard, 1976. – T. 1. – 1712 p.
8. Laubrit P. L'intelligence de l'art chez Balzac: d'une esthétique balzacienne / P. Laubrit. – P.: Didier, 1961. – 578 p.
9. Lascar A. Balzac critique littéraire de la Revue parisienne / A. Lascar // L'Année balzacienne. – 2008/1. – P.: PUF, 2008. – N. 9. – P. 43–62.

H. DE BALZAC – LITERARY CRITIC

Natalia T. Pakhsaryan, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation). E-mail: natapa@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-4

Key words: *critical literary practice, preface, journalism, literary work, novelistic cycle, writer's function, artistic system.*

The article is an attempt to make a general picture of the evolution of the artistic and aesthetic principles of H. de Balzac, to find out the specifics and function of his literary reflection, to reveal the desire of the French writer of the XIX century to create an individual and integral paradigm and to verify the results of this aspiration based on the often disparate judgments contained in the letters, prefaces, and articles by Balzac on literature, the genre of the novel, the relationship between literature and journalism, about the individual works and writers.

Having begun his literary work in the 1820s, Balzac initially published his works under pseudonyms, and subsequently refused to consider them as his own, recognizing only those works that were signed with his own name. Up to a certain time the writer did not speak with a certain creative programme or with criticism of the poetic principles of his predecessors and contemporaries. The early experience of «frantic romanticism» appeared to be important for the gestation of the literary-critical concept of the writer. Thus, in several notes for the magazine «Silhouette» (February – April 1830), he, in the spirit of romantic «messianism», places the artist above royal persons. At the same time, the artist himself is a controversial figure, combining a powerful creative force and the insignificance of existence. Creative power is variable, the artist depends on inspiration. The conflict between the artist and the «crowd», society, and power is interpreted in a romantic way.

On the one hand, Balzac had been recognized as the author of the novel «Les Chouans» (1829), «Scènes de la vie privée» (1829–1830) by the 1830s. And on the other, he turned to journalism and became the editor-in-chief of the weekly «La Caricature». He had already been acutely aware of not only general tasks of literary activity, but also of the need to raise the question of the writers' earnings. In the beginning of November, 1834 Balzac published «Lettre Adresséeaux Écrivains Français du XIXe Siècle» in «Revue de Paris», where he spoke about the «republic of literature», moreover, he united poets, musicians, playwrights and at the same time urged them to protect copyrights and fight against devastating violations by publishers. It was Balzac's idea to protect copyrights by the joint efforts of the «Republic of Literature» that stimulated the creation of the «Society of Writers» in 1838, which included, besides him, V. Hugo, F. Soulié, G. Sand, and others.

Balzac's literary and critical heritage includes three main themes: a reflection on the work of the novelist and the genre of the novel; portraits of individual writers and analysis of their literary works; observations of the relationship of literary creativity and journalism.

The constant and main goal of Balzac in his literary reflection was the desire to create a holistic system of views on literature, its tasks and place in society. However, it cannot be said that this goal was achieved. Balzac's reflections are not only scattered in various articles, prefaces, but also marked by a distinct individuality, a desire to define not so much the general principles of the artist's work in general, as to find his own way of the novelist.

References

1. Bal'zak, O. de. *Sobranie sochinenij: v 24 t.* [Complete Works: in 24 vol.]. Moscow, Ogonek, Pravda Publ., 1960, vol. 24, 376 p.
2. Pahsar'jan, N.T. *Istorija odnogo vvedenija* [History of one introduction]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 2002, no. 3-4, pp. 124-125.
3. Thérenty, M.-E. (ed.). *Balzac journaliste. Articles et chroniques choisies et présentés* [Balzac the journalist. Articles and selected chronicle]. Paris, GF Flammarion Publ., 2014, 400 p.
4. Balzac, H. de. *Monographie de la presse parisienne* [Monograph of the Parisian press]. *La Grande. Nouveau tableau de Paris. T. II, janvier 1843* [La Grande. New picture of Paris. Vol. 2, January 1843]. Paris, Bureau de publications nouvelles Publ., 1843, pp. 129-208.
5. Balzac, H. de. *Oeuvres diverses: en 2 vol.* [Selected works: in 2 vol.]. Paris, Gallimard Publ., 1990, vol. 1, 1851 p.
6. Chollet, R. *Balzac critique littéraire en 1822* [Balzac the literary critic in 1822]. *L'Année balzacienne 2012/1* [Year of Balzac 2012/1]. Paris, PUF Publ., 2012, no. 13, pp. 231-242.
7. Davin, F. *Introduction aux Etudes de moeurs au XIX siècle (1835)* [Introduction in Studies of Manners of the 19th centuries (1835)]. In: Balzac, H. de. *La Comédie humaine* [The Human Comedy]. Paris, Gallimard Publ., 1976, vol. 1, 1712 p.
8. Laubrit, P. *L'intelligence de l'art chez Balzac: d'une esthétique balzacienne* [Understanding the art by Balzac: an aesthetics of Balzac]. Paris, Didier Publ., 1961, 578 p.
9. Lascar, A. *Balzac critique littéraire de la Revue parisienne* [Balzac the literary critic in Parisian Review]. *L'Année balzacienne – 2008/1* [Year of Balzac 2008/1]. Paris, PUF Publ., 2008, no. 9, pp. 43-62.

Одержано 21.09.2018.